

Птолемей III и иронический подтекст эпитета «Филолог»

Андрей **ЗЕЛИНСКИЙ** (*Киев*)

К. и. н., с. н. с., независимый исследователь, z-al@ukr.net

В последнее время внимание исследователей эллинистической, да и в целом античной истории привлекают многочисленные и весьма разнообразные вопросы, связанные с официальными, полуофициальными и неофициальными эпиклесами, эпитетами и прозвищами верховных носителей государственной власти. Несколько лет назад данной проблематике была посвящена фундаментальная работа F.-M. Muccioli «Gli epitet' ufficiali dei re ellenistici». Сегодня же ею предметно занимается группа исследователей во главе с д-р ист. наук О. Л. Габелко. Среди общего пласта имеющегося в нашем распоряжении материала я считаю целесообразным выделить безобидные или даже, на первый взгляд, почтительные эпитеты, которые могли нести в себе скрытую, довольно язвительную смысловую нагрузку.

Яркий пример данного явления, на мой взгляд, можно обнаружить в схолиях, составленных к «Гимну Аполлону» — произведению поэта александрийской школы Каллимаха. Речь идет о хорошо известном комментарии к строкам 25–27 упомянутого гимна:

Да разнесется пеан! Не пристало с бессмертными спорить.
Тот, кто с бессмертными спорит, тот враг моему базилевсу!
Кто моему базилевсу перечит — тот враг Аполлону!

По поводу вышеуказанного, неизвестный нам автор схолий пишет следующее: Базилевс — Птолемей Эвергет, который будучи филологом, почитается Каллимахом как бог.

Я не вижу причин для сомнений в правильности отождествления царя строк 26–27 с третьим представителем династии Птолемеев — Птолемеем. Уважительное же определение «Филолог», данное упомянутому царю позднеантичным или византийским комментатором, могло представлять собою причудливое преломление насмешливого или даже довольно неприглядного прозвища, вероятно, некогда полученного Птолемеем.

Прежде всего, этот эпитет мог стать результатом иронической реакции эллинистической интеллектуальной элиты на чуть ли не маниакальное пристрастие Птолемея III к сбору, пусть даже условно, первичных рукописей. Как передает Гален, этот царь приказывал досматривать все прибывающие в Александрию суда на предмет книг, принадлежащих людям, находящимся на борту. После чего раздобытые таким образом свитки копировались, копии возвращались владельцам, а оригиналы

передавались в александрийскую библиотеку. Апогеем же этого странного увлечения, согласно тому же Галену, стала скандальная история, связанная с государственными афинскими свитками, содержащими канонические версии трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. Птолемей позаимствовал их под залог 15-ти серебряных талантов, якобы для копирования, после чего оставил их в Александрии, а афинянам, помимо переданного им ранее залога, вернул дорогостоящие копии (Galen. Com. In Hipp. XVII, 606–607. По моему мнению, Эвергет вполне мог получить язвительное прозвище Филолог за подобное довольно своеобразное проявление любви к художественному слову.

Помимо этого, существует еще одно обстоятельство, ввиду которого эпитет Филолог в применении к Эвергету мог носить уничижительный характер. Как убедительно показала R. Criboire в своей работе «Gymnastics of the mind: Greek education in Hellenistic and Roman Egypt», образовательный процесс в греко-римскую эпоху делился на 3 этапа: грамматику (начальная школа), филологию (средняя школа) и риторику (высшее образование). Помимо того, существовало еще и обучение у философов, считавшееся венцом элитарного образования. При этом, причастностью к последнему могли похвастаться многие эллинистические властители. К примеру, общеизвестным является факт обучения Александра Великого у Аристотеля (Cicero, Tusc. III, 10; Plut. De Alex fort. I, 6; Diog. Laert. V, 39). Другой македонский царь, Антигон Гонат, называл своими учителями двух философов — Менедема Эритрейского и Зенона Китионского (Plut. Reg. Et Imp. XXX, 5; Diog. Laert. II, 141; VII, 6; 9). К обучению этого же монарха либо его царственного племянника Антигона Досона был причастен Евфант Олинфский (Diog. Laert. II, 110). Особенное внимание уделялось вопросу воспитания царских детей при александрийском дворе. Так, среди учителей Эвергетова отца — Птолемея II Филадельфа упоминаются философ Стратон Лампсакский, поэт Филет Косский, литературовед Зенотот Эфесский (Diog. Laert. V, 58; Suda, phi, 332; sigma, 1185; dzeta, 74), и, возможно, александрийский придворный историк Клитарх, ошибочно названный в одном из оксиринхских папирусов воспитателем Птолемея IV Филопатора (P. Оху. 4808). К слову сказать, последний также не страдал от недостатка образования. Его воспитанием занимался тогдашний глава Александрийской библиотеки, высоко эрудированный киренец Эратосфен (P. Оху. 1241; Suda, alfa, 3419), именуемый за широту и глубину своих познаний Пентатлонистом, а также Бетой — т. е. вторым во всех науках (Suda, epsilon, 2898).

Преподавателем же Птолемея III, согласно античной традиции, был автор «Аргонавтики» поэт Аполлоний Родосский (P. Оху. 1241), чья эрудиция, судя по всему, сводилась к глубоким познаниям в области мифологии (ср.: Apol. Rhod. Argonaut.; Vit. Apol. Rhod. I—II; Suda, alfa,

3419). К тому же, как убедительно продемонстрировал А. Cameron на страницах своего исследования «Callimachus and His Critics», Аполлоний, вопреки мнению позднеантичных схолиастов, никогда не занимался преподаванием риторики (ср.: Vit. Apol. Rhod. I—II). По мнению ученого, составители комментариев к произведениям этого александрийского поэта спутали его с известным учителем риторики — софистом Аполлоном из Алабанды, который, действительно, держал школу на Родосе (Cicero, De Or. I, XVII, 75; XXVIII, 126; Strab. XIV, II, 13; Suet. I, 4). Данное предположение позволяет усомниться в способности автора «Аргонавтики» обеспечить своему царственному воспитаннику полноценное риторическое образование, не говоря уже о приобщении последнего к основам философии.

Таким образом, фактический образовательный уровень Птолемея Эвергета должен был ограничиться филологической ступенью. Иначе говоря, этот уровень не выходил за широкодоступные рамки массовой школы, явно недостаточные для управления государством. Соответственно, и определение Филолог в отношении Птолемея III могло означать не только и не столько знатока и ценителя литературы или даже страстного коллекционера подержанных книг, но и банального недоучку. Причина же столь странной ситуации, связанной с обучением будущего Птолемея III, по моему мнению, кроется в семейных перипетиях царского дома Лагидов времен Филадельфа. Однако этот вопрос существенно выходит за рамки данного исследования и требует отдельного рассмотрения.

